

УДК 811.1/.8

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОННОТАЦИЙ НАЗВАНИЙ ПТИЦ ПРИМЕТАМИ И ТОЛКОВАНИЯМИ СНОВИДЕНИЙ

Г.В. Токарев

*Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка
e-mail: griq72@mail.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

В статье рассматривается вопрос объективации коннотаций названий птиц русскими приметами и толкованиями сновидений. Исследование осуществляется приёмом компонентного анализа и лингвокультурологической интерпретации. Два избранных для анализа жанра отличаются интенционально, но сходны в том, что они объективируют наблюдения, фиксируют повторяющиеся, типичные ситуации. Приметы и толкования сновидений рассматриваются как прецедентные тексты. В их основе лежит ключевое слово – название птицы, коннотации которого вербализованы в контексте. В ходе анализа выявлено, что приметы объективируют прежде всего те коннотации, которые связаны с наблюдениями, то есть основаны на многократных повторениях события, связанного с образом той или иной птицы. Установлено, что в текстах примет и сновидений образ птицы имеет следующие трактовки: птица является индексом изменения погоды; вторгающаяся в жилище человека птица предвещает известие, которое имеет амбивалентную оценку; прилетающая птица символизирует гостей; манифестирует представления о любви, удаче, материальном благополучии. Определено, что в основе лингвокультурного сюжета лежит история, имеющая индексальную или символическую природу. Приведённые легенды объективируют следующие коннотации образа: 'новое', 'нечто хорошее vs. плохое', 'богатство vs. бедность', 'урожай vs. неурожай', 'погода vs. непогода', 'счастье vs. несчастье', 'здоровье vs. болезнь', 'преданность', 'верность'. Данные коннотации детерминированы, с одной стороны, сигнификативным признаком птицы как летающего существа, с другой – архетипическими представлениями, что птицы – материализованные души. В статье рассмотрены следующие ключевые слова: аист, голубь, воробей, ворона, дятел, гусь, жаворонок, журавль, коршун, орёл, петух, курица, кукушка, ласточка, лебедь, перепел, сыч, утка, соловей, формирующие прототипический уровень русской лингвокультуры. Приметы в большей степени склонны к индексальному толкованию, сновидения – к символическому.

Ключевые слова: язык, культура, значение, коннотация, примета, сновидение, птица.

Введение

В.Н. Телия к одному из основных способов отражения культуры в естественном языке отнесла культурную коннотацию, «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. Слабые элементы семемы являются результатом культурной рефлексии на объект

действительности. Как указывал Ю.Д. Апресян, коннотации объективируются разными вербальными способами: «...переносными значениями, метафорами и сравнениями, производными словами, фразеологическими единицами, определёнными типами синтаксических конструкций...» [Апресян 1995: 163]. Среди них особое место занимают прецедентные тексты, которые характеризуются общеизвестностью и в какой-то степени устойчивостью. В.В. Красных пишет о прецедентном тексте, что он является «коллективным достоянием», «обусловленным культурой, результатом эмоционально-образного восприятия уникального текста» [Красных 2016: 261]. В приведённом высказывании важно подчеркнуть, что прецедентный текст является продуктом коллективной рефлексии.

Материалы и методы

В данной статье будут рассмотрены приметы и толкования сновидений. Источником исследования стал «Большой словарь примет» Т.Г. Никитиной, Е.Н. Роголёвой, Н.Н. Ивановой [Большой 2009]. Два избранных для жанра прецедентных текста хотя отличаются интенционально, но сходны в том, что они объективируют наблюдения, фиксируют повторяющиеся, типичные ситуации. В основе данных прецедентных текстов лежит ключевое слово, коннотации которого вербализованы в контексте. Предметом нашего рассмотрения являются тексты примет и толкований сновидений с ключевым словом, обозначающим птицу. Исследование осуществляется приёмами компонентного анализа и лингвокультурологической интерпретации.

Результаты

Значения хорошо известных русскому лингвокультурному сообществу птиц характеризуются богатством коннотаций, которые находят свою объективацию в текстах примет, толкованиях сновидений. Коннотации отражают культурную рефлексию народа на окружающую действительность. Приметы объективируют прежде всего те коннотации, которые связаны с наблюдениями, то есть основаны на многократных повторениях события, связанного с образом той или иной птицы.

В текстах примет и сновидений образ птицы имеет следующие трактовки.

1. Птица является индексом изменения погоды, по прилёту, отлёту, поведению птиц предсказывали предстоящие времена года.
2. Влетающая в окно дома птица предвещала известие, которое имело амбивалентную оценку.
3. Прилетающая птица символизировала гостей.
4. Птица ассоциировалась с любовью, удачей, материальным благополучием.

5. Птица, стучащая по человеческому жилищу, предсказывала смерть.

Как видим из перечисленных нарративов, в основе лингвокультурного сюжета лежит история, имеющая индексальную или символическую природу. Приведённые легенды объективируют следующие коннотации образа: 'новое', 'нечто хорошее'. Они детерминированы, с одной стороны, сигнификативным признаком птицы как летающего существа, с другой – архетипическими представлениями, что птицы представляют собой материализованные души. Рассмотрим коннотации, закреплённые за значениями частных названий птиц.

Образ аиста в русском сознании имеет амбивалентную интерпретацию. Значение данного ключевого слова объективирует коннотации 'богатство vs. бедность', 'урожай vs. неурожай', 'погода vs. непогода', 'счастье vs. несчастье', 'здоровье vs. болезнь'. Присутствие аиста интерпретировалось положительно, перелёт на другое место обитания – отрицательно. Приведём приметы, объективирующие данные коннотации: *аист выбрасывает птенца из гнезда – к неурожаю, аист выбрасывает яйцо из гнезда – к урожаю, аист держится рядом с гнездом – к ненастью, аист поселился на крыше – к богатству, не будет пожара, аист улетел со своего места – к пожару, к беде, увидеть летящего аиста – к счастью. Снятся аист к богатству, к деньгам* [Большой 2009: 276]. «Летающий аист предвещает здоровье, резвость, урожай, замужество; неподвижный – боли в ногах, смерть, засуху, безбрачие; пара аистов – замужество или роды» [Славянская 2023: 19]. Коннотации генерируются архетипическими представлениями: «...аист является одной из самых почитаемых святых птиц. Он охраняет землю от гадов и всякой нечисти... Как истребитель змей аист является противником дьявола и символом Христа. Распространено представление о том, что аист приносит детей» [Большой 2009: 276]. Существовал ряд императивов и запретов, связанных с этой птицей: «При виде первого аиста бегут за ним, приседают, кувыркаются, чтобы не болели ноги; катаются по земле, прислоняются к дереву или плетню, чтобы не болела спина; завязывают узел, чтобы не видеть змей; бросают землю, взятую из-под ноги, в воду, которой кропят себя и дом, чтобы не было блох. ...Нарушение запрета разорять гнездо и убивать аиста сулит обидчику смерть, телесные уродства, слепоту, глухоту у детей, ущерб в хозяйстве, а чаще всего – пожар» [Славянская 2023: 19].

Характерно, что приметы объективируют амбивалентные коннотации, а сновидения – однозначные, в данном случае положительные.

Голубь, как и аист, выступает своеобразным оберегом: *где водятся голуби, тот дом не горит*. Голубь в наивном сознании становится индикатором добра: *голуби покинули привычные гнёзда – жди беду, к злему голуби не летят*. В отличие от архетипических представлений, связывающих голубя с Богом, святым духом, светом, приметы

объективируют негативные коннотации: *белый голубь на трубе – к покойнику, голубь в окно влетел – к плохим вестям, похоронам, к покойнику, голубь в окно стучит – к нехорошей вести, голубь порхает у окна больного – к его смерти*. Как и другие птицы, голуби выступают предсказателями погоды: *голуби купаются – к дождю, голуби прячутся в хорошую погоду – жди ненастья* [Большой 2009: 329].

Сновидения, напротив, объективируют положительные коннотации данного знака: *голуби снятся к радости, удовольствию, к гостям, к миру и благополучию в семье, к приятной новости, к свадьбе и др.* [Большой 2009: 329].

По поведению *воробья* предсказывали как хорошую, так и плохую погоду. *Воробьи собираются стайками – к дождю, воробьи зимой собирают пух – к морозу, драчливые, весёлые воробьи – к хорошей погоде, воробьи во время дождя вылетели из укрытия – дождь скоро кончится*. Шум, который издают воробьи, их количество, быстрая реакция на окружающую действительность кладутся в основу коннотаций. Толкования сновидений воплощают иную семантику: *ловить воробья – к любви, к знакомству*. Приметы и толкования снов не соответствуют сложившимся в русской культуре представлениям о воробье как о птице-предателе [Большой 2009: 316]. Таким образом, приметы и сновидения воплощают иные коннотации, нежели паремии и фразеологизмы, объективирующие коннотации незначительности, посредственности, обыденности.

Коннотации ключевого слова *ворона* представлены следующим спектром сем 'предсказывает погоду', 'приносит известия', 'беда', 'смерть'. А.Н. Афанасьев указывает, что в обыденном сознании ворона считалась самой мудрой птицей [Афанасьев 2002: 481]. Авторы словаря «Славянская мифология» отмечают, что «ворон и ворона – в народных представлениях нечистые и зловещие птицы...» [Славянская 2023: 90]. Ворона интерпретируется как демоническое существо, способное прогнозировать изменения в природе: *в какую сторону смотрит ворона – оттуда будет дождь, ворона каркает на юг – к теплу, на север – к холоду, ворона раскричалась – к снегам, ворона ходит разинув рот – перед грозой, ворона низко летит – к холодам* [Большой 2009: 318]. Характерно, что ворона предсказывает плохую погоду: *ненастье, дождь, снег, метель, мороз, ветер*. Негативная интерпретация звуков, которые издаёт ворона, – *каркать*, объективирована и приметами: *если ворона, мимо которой проходишь, громко каркнет – жди неприятностей*. С вороной связаны представления как предвестниц новостей: *видеть во сне ворону – к неприятному известию*. Архетипические представления интерпретируют ворону как помощницу колдуна, что воплощается в коннотации 'смерть', 'беда': *летающие вороны – к похоронам, вороны летают над деревней – к пожару*. Единичные приметы связывают ворону с чем-то хорошим: *видеть*

ворону – к радости, ворона с криком садится на крышу дома – к свадьбе [Большой 2009: 317]. Нерегулярность данных семантических интерпретаций не позволяет сделать вывод о присутствии положительных коннотаций.

Значение ключевого слова *дятел* имеет негативные коннотации: *‘беда’, ‘смерть’, ‘изнурительный труд’*: *дятел долбит крышу дома – быть беде, дятел избу долбит – к покойнику, видеть во сне дятла – к изнурительному труду* [Большой 2009: 356]. Данные коннотации объективируют архетипические представления о том, что дятел символизирует дьявола. Дробь, которую издаёт дятел, создаёт звуковую ассоциацию дождя: *дятел в погожий день стучит – быть дождю*.

Ключевое слово *гусь* имеет коннотации *‘благополучие’, ‘прибыль’*, которые объективируются преимущественно в толкованиях сновидений: *во сне видеть гуся – к семейному благополучию, гусиные перья – к успеху, жарить – к желанному гостю, кормить – к прибыли, убивать – к деньгам*. По всей вероятности, данные коннотации обусловлены представлениями о гусе, связанными с достатком, сытостью, праздничным столом. В приметах образ гуся используется преимущественно при прогнозировании погоды. Водная среда обитания гуся обуславливает интерпретацию его образа в приметах: *весной дикие гуси прилетели – будет дождь, где сидит гусь – там нужно копать колодезь*. Появление гуся, его поведение связывают с приходом тепла: *в мороз гусь крыльями хлопает – к оттепели, прячет нос под крыло – к ранней зиме, сидит, поджав лапы, – к холоду, обмывается на сухом месте – будет холодать, в воде – будет теплеть* [Большой 2009: 338].

Значение ключевого слова *жаворонок* обладает коннотацией *‘благополучие’*, что находит свою объективацию в толковании сновидения – *видеть жаворонка во сне – к благополучию*. Значение отражает вербализованные представления о связи жаворонка с теплом и ясной погодой: *жаворонок не поёт – к дождю, гуляет по полю – к ясной погоде, летит – к теплу*.

Слово *журавль* обладает коннотациями *‘преданность’, ‘верность’, ‘неприятные новости’*, что объективируется толкованиями сновидений: *видеть журавля – к преданности и верности, к неприятным новостям*. Приметы воплощают интерпретацию данной птицы как предвестницы тепла, ясной погоды: *если жаворонки рано прилетели – к ранней весне, много журавлей появилось в мае – к засухе, журавль высоко летит – к солнечной погоде*. Приведённая интерпретация соответствует утверждениям авторов словаря «Славянская мифология» о том, что жаворонок – «одна из «чистых» птиц» [Славянская 2023: 157].

Коннотации ключевого слова *коршун* в приметах и сновидениях соответствуют узуальным. Образ коршуна связан с опасностью. Негативная рефлексия на эту птицу воплощается и в прогнозах погоды:

появление коршуна предвещает дождь. Ключевой знак *орёл* имеет коннотации победы, успеха, исполнения желаний, опасности, объективированные в толкованиях сновидений. Выявленные семантические элементы соответствуют наивным представлениям о том, что орёл – божья птица, а коршун – хтоническая [Славянская 2023: 345].

Петух – один из главных персонажей домашнего бестиария – также сакрализуется наивным сознанием. А.Н. Афанасьев отмечает: «Петух – птица, приветствующая восход солнца; своим пением он как бы призывает это животворящее светило, прогоняет нечистую силу мрака и пробуждает к жизни усыпленную природу» [Афанасьев 2002: 500]. Этому способствует использование петуха в культурных императивах: *для появления детей и богатства на первую ночь в новом доме нужно запереть петуха – и оберегах: по преданиям, чёрный петух спасает от воров и грозы* [Большой 2009: 514–515]. Наблюдения за его поведением интерпретируют эту птицу как домашний барометр: пение предсказывает дождь, солнечную погоду. Необычное поведение петуха рефлексировано наивным сознанием в коннотациях беды, смерти, пожара: *петух головой трясёт – к беде в доме, петухи распелись не вовремя – к покойнику, увидеть бегущего петуха – к пожару*. Сновидения объективируют петуха амбивалентно: с одной стороны образ связан с коннотациями благополучия, везения, с другой – неудачи, измены.

На коннотации ключевого знака *курица* оказывают влияние как интралингвистические, так и экстралингвистические факторы. Так, паремия *куры денег не клюют*, по всей вероятности, оказывает влияние на толкование сновидения: *видеть во сне, как куры клюют зерно – к деньгам* [Большой 2009: 422]. Данный текст культуры объективирует коннотацию ‘деньги’. Кроме того, сновидения манифестируют дополнительные значения ‘гости’, ‘новости’: *видеть во сне кур – к новостям, к случайным гостям*. Приметы воплощают целый комплекс культурно маркированных смыслов: ‘неурожай / урожай’, ‘тепло / стужа’, ‘ясная / ненастная погода’, ‘ссора’, ‘беда’: *в ноябре / декабре куры начинают нестись – к неурожаю, куры гуляют посередине улицы – к ненастью, куры не прячутся от дождя – скоро дождь закончится, куры кричат на насесте – к домашней ссоре, куры на насесте жмутся – к морозу, куры хором кудахчут – к семейной ссоре* ‘преданность’, ‘верность’, ‘неприятные новости’ [Большой 2009: 422]. Коннотации, сопровождающие значение данного знака, отражают представления о стае домашних кур как прообразе семьи, курица символизирует женщину, что отражено переносными значениями слов *раскудахтаться, наседка*. Изменение роли курицы интерпретируется как знак несчастья. Существовал императив: курицу, которая запоёт петухом, нужно зарубить.

Авторы словаря «Славянская мифология» отмечают, что кукушка – «одна из наиболее мифологизированных птиц» [Славянская 2023: 271].

Культурный семантический ореол ключевого слова *кукушка* отражает представления о птице-предсказательнице, о существе, бросающем на произвол своих птенцов. Кукушка связана с представлениями о сроке, времени. Так, кукование становилось знаком того, что пошли грибы, смерти, продолжительности жизни и др.: *до кукушки не засеешь хлеб – к неурожаю, если кукушка закукует на голый лист – будет голодный год, кукушка перестает куковать до Петрова дня – к ранней зиме, если услышишь кукушку раньше соловья – плохо проведёшь лето*. Приметы, связанные с кукушкой, имеют амбивалентную интерпретацию: *кукушка в левое ухо кукует – худые вести слушать, в правое ухо кукует – хорошие новости слушать*. Однако большинство примет и сновидений объективирует отрицательные смыслы ‘неудача’, ‘беда’, ‘пожар’, ‘голод’: *кукушка кукует на изгороди рядом с хлевом – ожидай падёжа скота; закуковала кукушка, а ты голодна – голодной будешь весь год, кукушка на огородах прилетает – к неурожаю, кукушка в глаз кукует – весь год плакать, кукушка летает по деревне – к пожару*. Магическая сила кукушки отражена в императиве: *чтобы водились деньги, нужно брякнуть ими, когда кукует кукушка* [Большой 2009: 420]. Данная примета объективирует коннотации ‘деньги’, ‘достаток’.

Большинство толкований ключевого слова *ласточка* отражают положительную интерпретацию. В приметах ласточка осмысливается как предвестник весны, тепла, хорошей погоды: *ранний прилёт ласточек – к ранней весне, Благовещение без ласточек – холодная весна, когда едешь домой, да около лошади ласточка летает – к хорошему дню*. Культурные императивы и запреты сакрализуют данную птицу. Существовало поверье, *кто при пении ласточки молоком умоеся, тот будет бел*. Убившему ласточку пророчили неудачу и несчастье. Ласточки рассматривались как естественный оберег дома от пожара: если ласточка свила под крышей гнездо, это означало, что дом не сгорит. По данным словаря «Славянская мифология», «ласточке присущи функции покровительницы дома и скота» [Славянская 2023: 277]. В сновидениях и приметах прилёт ласточки связывали с известиями, обычно хорошими [Большой 2009: 424].

Ключевой знак *лебедь* в сновидениях интерпретируется как символ любви и богатства. *Видеть во сне лебедя – к богатству, к взаимной любви, плывущего – к разлуке*. При формировании коннотаций учитываются обыденные наблюдения. Лебедь – перелётная птица, поэтому его связывают с теплом. Ассоциативная связь этой птицы с водой обуславливает её интерпретацию как знак дождя [Большой 2009: 425].

Большинство толкований ключевого знака *перепел / перепёлка* отражают коннотацию ‘удача’: *увидеть белого перепела – на счастье, поймать во сне – к успеху, видеть во сне перепёлку, несущую яйца, – к неожиданному наследству* [Большой 2009: 512].

Приметы объективируют коннотации ‘новости’, ‘гости’, ‘выздоровление’, ‘смерть’ в значении ключевого знака *сорока*: *сорока сидит у окна – к гостям, сорока скачет на дому больного – к выздоровлению, сорока на дому чекует (звонко стучит) – к покойнику* [Большой 2009: 592].

Приметы, связанные с ключевым знаком *сыч*, объективируют коннотации ‘смерть’: *если сыч кричит на крыше дома – к покойнику, ‘урожай’ – если сычи много кричат в лесу – к урожаю* [Большой 2009: 603].

Образ *утки* в толкованиях сновидений вербализует представление о материальном благополучии (достатке / убытке), примирении с недругом, ложной вести. Связь утки с водой объясняет рассмотрение данного знака как индекса дождя: *утки полощутся в воде – на дождь, утки ныряют – к дождю, утки садятся на берегу, а не на воду при вскрытии реки – будет половодье* [Большой 2009: 617].

Характер коннотаций может быть обусловлен цветом птицы. Так, пёстрый *скворец* предвещает хороший урожай гречихи, вороной – урожай гречихи с чёрным ядром. Толкование сновидений с ключевым образом скворца объективируют коннотации ‘подарок’, ‘деньги’, ‘радость’: *скворец снится к богатому подарку, к деньгам, к радости* [Большой 2009: 578].

Толкования сновидений, в которых ключевым словом является *соловей*, объективируют коннотации радости, счастья, любви, замужества: *соловей снится к радости, к счастью в браке, к добрым вестям, к любви, к замужеству*. Коннотации света, счастья объективированы и приметами: *соловей поёт всю ночь – будет солнечный день, соловья услышишь раньше кукушки – счастливо проведёшь время* [Большой 2009: 590].

Заключение

Завершая анализ коннотаций, можно утверждать, что названные образы птиц включены в прототипический слой русской лингвокультуры, что определяет их значимость для человека, который рассматривает птицу как помощницу. В русский лингвокультурный бестиарий входят *аист, голубь, воробей, ворона, дятел, гусь, жаворонок, журавль, коршун, орёл, петух, курица, кукушка, ласточка, лебедь, перепел, сыч, утка, соловей*. Безусловно, приметы и толкования сновидений только дополняют общий тезаурус представлений, связанных с птицами. С.М. Толстая отмечает: «...привлечение разных языковых идиомов и стилей способно заметно расширить границы семантического объёма слова, но всё равно за их пределами останутся какие-то культурные смыслы, не подтверждаемые языком...» [Толстая 2011: 13]. Естественное поведение птиц отражается преимущественно индексальными знаками, указывающими на предстоящие изменения окружающей среды. Приближение птицы к человеческому жилищу осмысливается символически. Поведение птицы

интерпретируется в наиболее значимых аксиологических координатах: материальное благополучие, любовь, смерть. Анализ текстов позволил выявить тенденцию к склонности примет объективировать индексальные истории, а толкований сновидений – символические.

Библиографический список

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. М.: «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М.: ЭКСПО, СПб: TERRA FANTASTICA, 2002. 800 с.

Большой словарь примет / Т.Г. Никитина, Е.И. Роголёва, Н.Н. Иванова. М.: АСТ: Астрель, 2009. 687 с.

Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: «Гнозис», 2016. 496 с.

Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2023. 512 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 368 с.

References

Apresyan Yu.D. Izbranny`e trudy`. Integral`noe opisanie yazy`ka i sistemnaya leksikografiya. T. 2. M.: «Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1995. 767 s.

*Afanas`ev A.N.* Mify`, pover`ya i sueveriya slavyan. Poe`ticheskie vozzreniya slavyan na prirodu. T. 1. M.: E`KSPO, SPb: TERRA FANTASTICA, 2002. 800 s.

Bol`shoj slovar` primet / T.G. Nikitina, E.I. Rogalyova, N.N. Ivanova. M.: AST: Astrel`, 2009. 687 s.

*Krasny`x V.V.* Slovar` i grammatika lingvokul`tury`. Osnovy` psixolingvokul`turologii. M.: «Gnozis», 2016. 496 s.

Slavyanskaya mifologiya: e`nciklopedicheskij slovar`. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 2023. 512 s.

Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticeskij, lingvokul`turologicheskij aspekty`. M.: «Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. 288 s.

Tolstaya S.M. Semanticheskie kategorii yazy`ka kul`tury`. Ocherki po slavyanskoj e`tnolingvistike. M.: Knizhny`j dom «Librokom», 2011. 368 s.